

Житие прп. Георгия Лаврова исп. (1932)

Даты:

[4 июля](#)

Преподобноисповедник Георгий родился 28 февраля 1868 года в деревне Касимовка Ламской волости Елецкого уезда Орловской губернии (ныне территория Воронежско-Липецкой епархии) в крестьянской семье и был наречен Герасимом. Отца его звали Димитрием Абрамовичем, мать — Феклой Архипповной, старших братьев — Алексеем и Петром. Семья была небольшого достатка, денег на обучение не хватало, и Герасим закончил только три класса сельской школы.

Родители воспитывали своих детей в благочестии, из родного дома будущий преподобноисповедник вынес глубокую веру в Бога и любовь к Церкви. Всем семейством они ездили на богомолье в московские монастыри и храмы, в Троице-Сергиеву Лавру, в другие места. Во время одной из поездок в Лавру Герасим молился у мощей преподобного Сергия о даровании ему счастья. В ответ на свою молитву он услышал в душе слова: «Иди в Оптину». Это повеление совпадало с заветным желанием матери Герасима видеть в ангельском чине одного из своих сыновей. В юности Фекла Архипповна сама хотела уйти в монастырь, но родители выдали ее замуж, и она молилась о том, чтобы дети исполнили то, что не удалось ей самой. В семье нередко велись разговоры на эту тему, и Герасим, будучи мальчиком резвым, весело шутил: «Ишь ты какая, сама не пошла, а нас — в монастырь!» Фекла Архипповна отвечала: «От тебя, озорника, я этого не жду».

Напутствие, полученное у раки преподобного, мальчик хранил в сердце и однажды упросил родителей поехать в Оптину пустынь. Герасиму было одиннадцать или двенадцать лет, когда он впервые вошел в обитель. По обычаю, прибывшие богомольцы направились к преподобному старцу Амвросию за благословением. Когда мать с сыном подошли к старцу, то он обнял отрока за голову, благословил и особо отметил его как будущего инока.

Оптина произвела глубокое впечатление на Герасима. Он вернулся в деревню, радостно вспоминая обитель. Постепенно у него созревало желание поступить туда для иноческого жительства, и спустя десять лет Герасим навсегда покинул родительский дом ради дома Отчего. Это было в 1890 году, уже после смерти отца. Фекла Архипповна горячо переживала разлуку с сыном, но с любовью собрала его в дорогу и благословила иконой Пресвятой Богородицы. Материнское благословение подвижник принял в свое сердце, всю жизнь почитал Царицу Небесную, веряя Ее предстательству себя и своих духовных детей. Любовь же к матери старец пронес через всю жизнь и всегда учил чтить родителей и исполнять их благословения.

Ранним летним утром, с котомкой за спиной и с посошком в руке, Герасим вышел из дома. За первый день он прошел 15 верст и очень устал. В лежащих на пути деревнях знакомые давали ему ночлег и приют. Однако, чем дальше от дома, тем становилось труднее. Он вышел на большой тракт, вдоль которого встречались крупные села. В избы уже не пускали: много разного люда шло и ехало через эти селения, а Герасима и его родителей здесь не знали. Приходилось ночевать где придется. Через две недели он пришел в Москву и устроился на ночь у знакомого купца на Даниловском рынке. Тот приветливо его принял, уговаривал вернуться к матери. Однако решение свое Герасим не

изменил и на следующее утро поспешил в Оптину. При выходе из Москвы он попал не на ту дорогу и только через две недели, проделав крюк в несколько десятков верст, прибыл в пустынь. Здесь Герасим был принят на добровольное послушание.

Поначалу Герасим трудился по хозяйственной части— на кухне, в пекарне, на свечном заводе, в поле, занимался рыбной ловлей; в 1894 году проходил послушание при казначее, затем был помощником ризничего. 10 октября 1898 года он был определен в число братии монастыря; 23 июня 1899 года пострижен в монашество с наречением имени Георгий (в честь святого великомученика Георгия). 24 октября 1902 года его рукоположили во иеродиакона. Ему давали ответственные послушания, приходилось ездить в Москву, Петербург, Калугу. Все отец Георгий стремился исполнять внимательно, тщательно, стараясь не погрешать ни в какой мелочи.

Внешние труды сочетались с духовным деланием, с непрестанной борьбой со страстями. И во всем он имел всецелое, нерассуждающее послушание старцам. «Послушание — те же курсы, которые изучают в Духовных Академиях. У нас тоже своя академия... Там сдают экзамены профессорам, а здесь — старцам», — говорили в Оптиной.

Господь Сам назидал братию обители, и иногда происходили чудесные случаи. Однажды отец Георгий (тогда еще послушник) спешил на сенокос, впереди шел старичок-схимник, по немощи еле передвигавший ноги. Легко обогнав старца, Герасим подумал: «И куда только плетется такой старик, чем он поможет на сенокосе?» Между тем надо было переправляться через речку. Герасим прыгнул в лодку, взял весла, а лодка ни с места. Как он ни старался, ничего не мог поделать до тех пор, пока не подошел схимник. Спокойно перекрестясь и взойдя в лодку, старец благословил отчаливать, и лодка послушно пошла к другому берегу.

24 года прожил отец Георгий в благословенной обители. На протяжении многих лет наблюдая сотни людей, текущих со своим страданием и горем к Оптинским старцам, он сердцем постигал, что человеку более всего необходимы любовь, милость, доброта.

2 января 1914 года иеродиакон Георгий был переведен в Мещовский Георгиевский монастырь и Указом Святейшего Синода от 31 октября 1915 года назначен на должность настоятеля с рукоположением в сан иеромонаха. Хиротония была совершена 1 января 1916 года. 3 января того же года иеромонах Георгий был награжден набедренником. В трудные годы мировой войны и революции руководил Мещовской обителью новый настоятель. Голод, бытовые неустройства, крушение привычного уклада жизни... Но умение рачительно хозяйствовать, приобретенное в крестьянской юности, практический опыт, усвоенный на послушаниях в Оптиной пустыни, доброта и мудрость в отношениях с людьми позволили отцу Георгию, несмотря на трудности, успешно руководить вверенным ему монастырем. За свои настоятельские труды 2 ноября 1917 года подвижник был награжден наперсным крестом. В том же году Мещовскому Георгиевскому монастырю «преподано благословение Святейшего Синода с выдачей о сем грамоты... за заслуги... обители по обстоятельствам военного времени».

В сорока верстах от Мещовска располагалась деревня Мамоново. Из этой деревни в монастырь приходил блаженный Никифорушка (Никифор Терентьевич Маланичев). Отец Георгий заметил в нем истинного раба Божия, и называл его «един от древних». Он любил Никифорушку за его чистую душу, почитал за прозорливость. У них сложились духовно близкие отношения. Часто они беседовали на непонятном для посторонних приточном языке. Никифорушка предсказал многие события, произошедшие вскоре. Взаимную любовь исповедник Христов Георгий и блаженный Никифорушка пронесли через всю

жизнь. С благословения старца Никифорушка подолгу жил у его духовных детей в Москве и в доме батюшки в Загорске.

Иеромонаху Георгию часто приходилось ездить в Калугу по монастырским делам. Однажды с ним произошел случай, вскоре забытый им. На одной из калужских улиц к нему подошла женщина и попросила напутствовать ее умирающего мужа, купца, Святыми Таинами. Отец Георгий причастил больного, и тот рассказал ему свое горе: он умирает, а семье грозит полное разорение, так как дом пришлось заложить и уже через два дня должны состояться торги. С помощью Божией и своих духовных чад отцу Георгию удалось предотвратить несчастье.

Революция принесла гонения на Церковь. Духовные бедствия усугублялись голодом на местах. Бывали дни, когда в обители не было хлеба. Отец Георгий прилагал усилия к тому, чтобы прокормить не только братию, но и голодающих крестьян близлежащих сел. С послушниками шил мешочки, насыпали в них муку, затем запрягали лошадку и отвозили эти мешочки бедным крестьянам. Подъедут ко двору, положат мешочек и направляются дальше. Доброго и милосердного настоятеля любили жители Мещовска и окрестных деревень.

9 декабря 1918 года в Мещовский монастырь ворвались большевики, обыскали все помещения, произвели разгром обители, не остановились и перед осквернением святынь. Иеромонах Георгий был арестован.

Эти события предсказывал блаженный Никифорушка. Незадолго до случившегося он гостил в монастыре и однажды ранним утром всюду расстелил дорогие, лучшие ковры, разбросал облачения, на себя надел что-то из ризницы, препоясался дорогим ораем и в таком виде важно разгуливал по комнатам настоятеля. Отец Георгий, увидев его «работу», удивленно спросил: «Никифорушка, что это ты наделал?» Блаженный в ответ только рассмеялся.

Первое время иеромонах Георгий содержался под арестом в городе Мещовске; 13 марта 1919 года помещен в Калужскую губернскую тюрьму; 30 мая был вновь переведен в Мещовск, где состоялся суд. Настоятеля обвинили в хранении оружия, в принадлежности к «гайному заговору», и 4 июня 1919 года он был приговорен к расстрелу. На суде выступали лжесвидетели. Находился в зале и блаженный из тех мест, Андрей. Он курил и время от времени выпускал дым в окно. Отец Георгий это заметил, и у него явилась надежда, что, подобно дыму, рассеется страшный приговор и он останется жив.

Между тем из любви к своему пастырю верующие Мещовска послали телеграмму на имя главы советского правительства с просьбой пересмотреть дело. Документы затребовали в Москву, но приговор отменен не был. Отца Георгия поместили в камеру смертников. Вначале здесь находилось тридцать семь узников, почти каждую ночь забирали на расстрел пять-шесть человек, пока не осталось семеро приговоренных. Отец Георгий ждал своей очереди и готовился. Спокойствие духа не оставляло его, он много молился, черпая в молитве силы. Союзники же его отчаивались, и он старался всех ободрить.

Время шло. Однажды к отцу Георгию подошел тюремный сторож и незаметно предупредил: «Батюшка, готовьтесь, сегодня я получил на всех вас список. Ночью уведут».

«Нужно ли говорить, что поднялось в душе каждого из нас? — вспоминал позже старец. — Хотя мы знали, что осуждены на смерть, но она все стояла за порогом, а теперь собиралась его переступить... Не имея сил оставаться в камере, я надел епитрахиль и вышел в глухой, без окон, коридор помолиться. Я молился и плакал так, как никогда в

жизни, слезы были до того обильны, что я насквозь промочил шелковую вышивку на епитрахили, она слиняла и растеклась разноцветными потоками. Вдруг я увидел возле себя незнакомого человека. Он участливо смотрел на меня, а потом сказал: «Не плачьте, батюшка, вас не расстреляют». «Кто вы?» — удивился я. «Вы, батюшка, меня забыли, а у нас здесь добрые дела не забываются. Я тот самый купец, которого вы в Калуге перед смертью напутствовали». И только этот купец из моих глаз исчез, как вижу, что в каменной стене коридора брешь образовалась. Я через нее увидел опушку леса, а над ней, в воздухе, свою покойную мать. Она кивнула мне и сказала: «Да, сынок, вас не расстреляют, а через десять лет мы с тобой увидимся». Видение окончилось, и я опять очутился возле глухой стены, у меня была Пасха! Я поспешил в камеру и сказал: «Дорогие мои, благодарите Бога, нас не расстреляют, верьте слову священника». Я понял, что купец и матушка говорили обо всех нас. Великая скорбь в нашей камере сменилась неудержимой радостью. Мне поверили, и кто целовал мои руки, кто плечи, а кто и сапоги. Мы знали, что будем жить».

Вскоре пришел надзиратель и приказал всем собираться с вещами для отправки в Калугу, так как пришло запрещение о проведении расстрела на месте из-за нежелательного влияния его на местное население. Всех посадили в вагон, и в Тихоновой пустыни вагон должны были перецепить к поезду, шедшему из Москвы в Калугу. По воле Божией поезд из Москвы пришел вовремя, а поезд, шедший с вагоном заключенных, опоздал. Конвой, не имея распоряжений, прицепил вагон к поезду, шедшему в Москву, и там заключенных препроводили в Таганскую тюрьму. Пока шло выяснение обстоятельств, была объявлена амнистия, и все остались живы. Шестеро же соузников стали духовными чадами иеромонаха Георгия.

По прибытии в Москву подвижник перенес операцию и, находясь на излечении в хирургическом отделении тюремной больницы, 30 сентября 1919 года подал прошение с просьбой принять его дело для защиты в кассационном отделе. По амнистии 5 ноября 1919 года расстрел был заменен пятью годами заключения, которое иеромонах Георгий отбывал в Бутырской и Таганской тюрьмах.

Камеры Таганской тюрьмы были переполнены — более всего уголовниками, но много было и политических заключенных, в том числе духовенства. Одновременно с отцом Георгием здесь находились митрополит Казанский и Свияжский Кирилл (Смирнов) и настоятель Московского Данилова монастыря епископ Феодор (Поздеевский). Оба архиерея заметили иеромонаха Георгия среди прочих узников, и это имело большое значение для его дальнейшей жизни: митрополит Кирилл благословил отца Георгия на старчество, архиепископ Феодор в 1922 году принял в Данилов монастырь, взяв из тюрьмы «на поруки».

Был в Таганской тюрьме еще один человек, с которым исповедник близко познакомился, — М. А. Жижиленко, тюремный врач-терапевт, вскоре назначенный главным врачом тюрьмы (принявший тайный постриг с именем Максим, он в 1924 году был хиротонисан во епископа Овруского). Михаил Александрович научил отца Георгия простейшим медицинским навыкам, и старец был поставлен на должность тюремного санитаря, благодаря чему мог встречаться со многими людьми, имел доступ даже в камеры смертников. Некоторые из таганских узников стали его духовными детьми.

Старец не щадил себя, облегчая телесные и душевные недуги страждущих, омывая их раны, исповедуя и причащая желающих. К нему шли за советом, за утешением в предсмертной тоске. Если кто из приговоренных хотел исповедоваться и причаститься у

него, то делалось все возможное, чтобы старец мог дать церковное напутствие. Были случаи, когда сами тюремщики приводили смертника в перевязочную к батюшке. На собственном опыте переживший близость смерти, он умел говорить с таким человеком о Божией правде и о Божием милосердии. Умел «устроить подкуп любви», как сказал один из возрожденных отцом Георгием к жизни, уже готовый совершить самоубийство, но после разговора со старцем отложивший это намерение (а через два дня освобожденный). Батюшка в тюрьме заболел, заразившись тифом, и находился месяц в больнице. Рядом с ним лежал какой-то человек, уже бредил, грубо ругал советскую власть. Батюшка и говорит ему: «Голубчик, поисповедуйся у меня, ведь ты плох, вдруг умрешь? Что же ты так останешься?» — «А-а-а... на что ты мне нужен? Не хочу я». — «Ну, скажи хоть имя свое, и я за тебя помолюсь». — «Нужен ты мне! Они, такие-сякие, отняли у меня все!» — «Кто они? Кто тебе все это дал, они, что ли? Господь тебе дал, Он и взял. Кого же ты ругаешь?.. Смирись, смирись, прошу тебя, поисповедуйся мне». А сам начал молиться: «Господи, сохрани его жизнь! Что же он идет к Тебе с таким озлоблением, с таким злом...» Потом больной постепенно успокоился и наконец промолвил: «Ну, слушай, батюшка». И начал свою исповедь. «Я его выслушал, — рассказывал дальше отец Георгий, — разрешил, и он уснул, а утром встал здоровым. С той поры это самый близкий мой духовный сын. Он вышел из тюрьмы, живет, работает, и все как следует. Вообще-то все они хорошие люди; но они загубели и отошли от Бога».

В 1922 году по ходатайству епископа Феодора (Поздеевского) иеромонах Георгий был освобожден и стал насельником Московского Данилова монастыря. Владыка Феодор с любовью принял отца Георгия в монастырь, хотя батюшка не принадлежал к числу ученой братии, которая собиралась вокруг настоятеля. Поселив батюшку вначале в братском корпусе, что напротив Троицкого собора, он вскоре предоставил ему келью на нижнем этаже древнего храма в честь Святых отцов семи Вселенских Соборов, справа от входа в Покровскую церковь. Напротив кельи находился небольшой домовый храм в честь святых праведных Захарии и Елисаветы. В этой крошечной церкви архимандрит Георгий в будние дни принимал приходящих на исповедь и за советом. В праздники архимандрит Георгий исповедовал в Троицком соборе на правом клиросе левого придела, за ракой с мощами святого благоверного князя Даниила, к тому времени уже перенесенной из храма Святых отцов.

На исповедь к архимандриту Георгию обычно выстраивалась большая очередь. Старец благословлял людей учиться, приобретать специальности по своим способностям и возможностям, развивать данные Богом таланты и не обращать внимание на неустройство быта, столь обычное в то время. Некоторые питомцы старца, тогда еще студенты, впоследствии стали видными учеными.

Келью архимандрита Георгия посещали и архиереи, жившие в то время в Данилове. Одного из них, священномученика архиепископа Фаддея (Успенского), он называл «всеблаженным архиереем». Многие духовные дети старца испытали гонения за верность Христу, стали мучениками и исповедниками.

Архимандрит Георгий имел ясное церковное сознание и умел дать людям правильную ориентацию в современной церковной жизни. Он осуждал все виды расколов и самовольных течений. В вопросе о поминовении властей за церковной службой советовал поддерживать митрополита Сергия (Страгородского), оказавшегося у кормила церковного в столь трудное время. Отец Георгий говорил, что разногласий здесь быть не может. Вопрос об отношении Церкви к гражданской власти определен еще в первые века

христианства и пересмотру не подлежит. Для подтверждения этого взгляда он обращался к преданию Церкви, к древним христианским свидетельствам. Старец был уверен, что сила христианской любви более действенна, чем ненависть гонителей, и что любовь всегда побеждает, если она соединена с молитвой и терпением.

Церковные начала жизни он почитал святыми и требовал от своих духовных детей постоянства в вере. Ежедневную молитву, посещение церковных богослужений, знание служб считал обязательными. Чтением слова Божия, и в первую очередь Святого Евангелия, рекомендовал заниматься постоянно; говорил, что чтение святых отцов «согревает душу». «Беготню» по разным храмам ради праздного любопытства осуждал, так как Церковь Божия едина и молиться можно в любом православном храме, смотря по обстоятельствам жизни. Время тогда было сложное, и соблазны часто подстерегали еще не укрепившиеся души. Были случаи, когда люди по малодушию отрекались от веры, но потом раскаивались. Таких старец не отторгал, но накладывал на них строгую епитимию. Вместе с тем он никогда не поощрял и кичливой похвальбы своей верой. Призывал своих пасомых свидетельствовать о верности Богу делами, говорил, что можно и нужно быть подвижником в повседневной жизни.

Доброта и мягкость старца Георгия не мешали ему быть требовательным к исполнению духовными детьми его благословений. Непослушание, как правило, приводило к неприятным, а иногда и тяжелейшим последствиям. Одного духовного сына старец не благословил на монашество. Тот отверг послушание, ушел от своего духовного отца, уехал в монастырь и затем трагически погиб.

Все дела, все наставления и советы отец Георгий предварял молитвой. Старец многое провидел. Предсказывал, что настанет время, когда его духовным детям негде будет приклонить голову, и вот тогда их приютом станет домик на Красюковке в Сергиевом Посаде. Этот дом был батюшке подарен, в нем он иногда отдыхал по несколько дней. После его смерти в этом доме находили кров и кусок хлеба гонимые духовные дети старца и их братья и сестры по вере.

С начала 1930-х годов до открытия Троице-Сергиевой Лавры в 1946 году в мезонине дома на Красюковке, а потом в саду под вишнями хранились драгоценные святыни — антимины Лавры, которые настоятель ее, преподобномученик Кронид (Любимов), опасаясь ареста, передал на хранение протоиерею Тихону Пелиху.

Зачастую благословения архимандрита Георгия были неожиданны для спрашивающего, но тем не менее они исполнялись. Милосердный батюшка был очень сострадателен к людям и помогал им в трудную минуту не только советом; нередко он проявлял находчивость, чтобы разрешить ту или иную житейскую ситуацию.

В то беспокойное время многие люди оказывались не у дел, без крова над головой и куска хлеба. Преподобный старец помогал таким не потеряться в жизни. Будучи в ссылке, он познакомился с 14-летним мальчиком Андреем Утешевым. Вернувшись в Москву и не имея жилья, юноша жил и воспитывался у духовных детей старца. Его родителей, живших в деревне недалеко от Козельска, в годы коллективизации отец Георгий, сам, будучи в ссылке, спас от раскулачивания и отправки в Сибирь, благословив устроиться в домике в Загорске. Так святой праведник заботился о людях, порой ему незнакомых, даже находясь в изгнании.

Исключительное внимание архимандрит Георгий уделял молодежи. О самых младших, еще не укрепленных своих «детках» старец особенно тревожился. Из ссылки он писал духовному сыну: «Прошу тебя, убереги мои цветочки от этого Вавилона». С детьми отец

Георгий был всегда добр и ласков. Он подолгу беседовал с ними, участливо и серьезно интересовался их проблемами: отношениями с домашними, школьными делами, играми. В карманах его рясы всегда имелись конфеты, пряники, другие сладости, которыми можно было одарить малышей. И малыши платили ему своей детской преданностью и любовью. Многих юношей и девушек старец ставил на твердый и ясный путь, с которого свернуть уже было невозможно. У молодежи всегда было много самых разных вопросов к старцу. Так, юноши нередко спрашивали, можно ли служить в Красной Армии. Отец Георгий отвечал, что Красная Армия служит Родине, а христианин не только обязан служить Родине, но, если нужно, то и умереть за нее, и это — смерть праведника. Поэтому в Красной Армии служить можно.

Многие молодые люди горели желанием уйти в монастырь, но батюшка благословлял на это редко, в большинстве случаев рекомендовал учиться. Он считал, что в наше время в монастырь могут идти лишь проверенные жизнью, уже имеющие большой жизненный опыт. Тяжелобольным разрешал постригаться в любом возрасте. Некоторых из своих духовных чад он благословлял принимать тайный постриг. Человека, которому Господь уготовал монашеский путь, подвижник видел сразу и отрывал от рассеивающей мирской жизни.

Часто старец давал своим «деткам» наставления, облеченные в легко запоминающиеся образные формы. Бережно записанные ими, некоторые из его «поговорок» сохранились: «Берегите дорогое, золотое время, спешите приобрести душевный мир»; «жизнь наша не в том, чтобы играть милыми игрушками, а в том, чтобы как можно больше света и теплоты давать окружающим людям. А свет и теплота — это любовь к Богу и ближним»; «ласка от Ангела, а грубость от духа злобы»; «после бури — тишина, после скорби — радость». На вопрос, можно ли узнать, где проявляется воля Божия, а где и от человека зависит, он отвечал: «Можно, только нужно внимательно глядеться в жизнь, а то большей частью мы невнимательны». Еще он говорил: «Нет, деточка, сейчас, смолоду, надо прокладывать жизнь правильно, а к старости уже не вернешь времени». Если духовные дети отца Георгия постом излишне беспокоились, в достаточной ли мере постно купленное ими яство, он весело пресекал «буквоедство»: «Э, деточка, да кто же его оскоромил?» Арестовали архимандрита Георгия 19 мая 1928 года. Блаженный Никифорушка предсказывал грядущие испытания в поэтической форме: «Не в убранстве, не в приборе, все разбросано кругом... Поминай как звали. Там трава большая, сенокосу много... Скука-мука... Березки качаются...» Эти загадочные слова, произносимые со смехом, тогда были непонятны, но позднее их значение прояснилось. При обыске в келье отца Георгия все было перерыто. Затем была ссылка в далекие степи. И «скука-мука» — как для отца, так и для его духовных чад. Березки же появились в конце жизни старца, много их на кладбище, где он похоронен.

Незадолго до ареста архимандрит Георгий видел сон: едет он по незнакомой степной местности, и вокруг стоит множество огромных стогов сена. Сон повторился, и старец теперь знал, что ошибки быть не может: пора ему снаряжаться в дорогу. Он дал своим духовным детям советы и благословения. Наказал не собираться большими компаниями, не стремиться к организации каких-либо группировок на религиозной основе, а свидетельствовать о своей вере жизнью.

Арестовывать архимандрита Георгия пришли на рассвете. Предъявили ордер на арест, начали обыск. Келейница его начала плакать, а батюшка, совсем спокойный, говорит ей: «Ну вот, Марусечка, давайка мы с тобой помолимся вместе». И встали на молитву.

Арестовывающие с удивлением на батюшку озираются, а он вдруг поворачивается и говорит, и так спокойно, словно это прихожане его: «А вы скажите-ка мне имена ваши». — «Это еще зачем?» — «А я помолюсь за вас, вы ведь не по своей воле сейчас эту тяжелую работу выполняете». Один усмехнулся и говорит: «Помолись, помолись». Увезли архимандрита Георгия в Бутырскую тюрьму. Старца обвинили в том, что он «среди многих находившихся под его влиянием верующих вел работу в направлении использования религиозных предрассудков в антисоветских целях». 12 июня 1928 года было составлено обвинительное заключение. Находясь в одиночной камере тюрьмы, архимандрит Георгий прибегал к спасительной молитве. На допросах держался спокойно и мужественно, не поддаваясь на провокационные вопросы следователя. Старца тяготила разлука с духовными детьми и забота о них. Позже, из ссылки, он пишет им «всем вкупе» письмо, в котором со свойственной ему сердечностью и искренностью делится тем, что пережил в Бутырках, конспиративно и не без иронии называя одиночную камеру «отдельной комнатой»: «Я был помещен в отдельную комнату, чтобы никто меня не беспокоил... Времени было много и для молитвы, но были минуты, когда я изнемогал, хотел молиться, но не было сил, хотел заснуть — грусть и тоска по вас отнимали у меня сон. Я становился на молитву и молил Пресвятую Владычицу Матерь Божию: «Владычица, дай мне сил не ради меня, грешного, но ради святых молитв духовных чад моих» — и мне становилось легко, появлялись силы, бодрость для молитвы и дальнейшего пребывания здесь. Да, в настоящее время и впредь крепко верю и надеюсь на ваши святые молитвы и христианскую любовь...».

15 июня 1928 года особое совещание при коллегии ОГПУ постановило выслать архимандрита Георгия в Казахстан, в Уральск, сроком на три года. В ссылку батюшка отправился не этапом, а «за свой счет» — это облегчение выхлопотали его духовные дети. Добравшись до Уральска, он получил новое назначение — в поселок Кара-Тюбе, находящийся примерно в 100 километрах от районного центра Джамбейт. Изгнанническую долю архимандрита Георгия разделила с ним его преданная духовная дочь Татьяна Борисовна Мельникова, сопровождавшая батюшку в ссылку и бывшая с ним до последнего его часа. Спустя некоторое время в Кара-Тюбе приехала Елена Владимировна Чичерина (монахиня Екатерина). Время от времени старца навещали другие его духовные чада.

В Кара-Тюбе отец Георгий и его послушницы вначале поселились в довольно благоустроенном доме, почти в центре поселка, но вскоре переехали в убогий, находящийся на краю селения. Прямо за домом начиналась необозримая полынная полупустыня. Зимой приходилось бороться со снежными заносами и буранами, летом — с нестерпимой жарой, с проникающим во все щели песком. Подвижник должен был в определенный срок ходить в город к уполномоченному отмечаться, что было нелегко, особенно летом, когда идти приходилось по сыпучему песку.

Жили в основном тем, что присылали духовные дети из Москвы и тем, что давала корова, которую завели вскоре после поселения, благо, что это не стоило слишком многих средств. Трудности с едой возникали во время Великого поста, когда все молочное исчезало со стола, а взамен ничего не появлялось: весной бывала распутица, надолго задерживавшая сообщение, и посылки застревали в дороге. Порой не было ни хлеба, ни муки. Тогда употреблялись старые сухари, в которых уже заводились черви. Послушницы старца не могли их есть, он же ел и приговаривал: «Деточка, не тот страшен червь, которого мы едим, а тот, который нас будет есть».

Понемногу устроился быт. Все надо было делать своими руками: заготавливать топливо, корм для коровы, ухаживать за ней. Отец Георгий любил в хозяйстве порядок и постоянно пребывал в трудах. Сарай, где находилась корова, убирал сам, и там всегда было чисто. В доме гонимого исповедника Христова не прекращалась молитва. В главной комнате, где жил отец Георгий, устроили домовый храм, в праздничные дни совершали в нем богослужения.

За годы пребывания исповедника в Кара-Тюбе было несколько происшествий, грозивших обернуться бедой, но по милости Божией закончившихся благополучно. Однажды разбушевался пожар. Старец оставался в комнате-храме, молясь о том, чтобы беда миновала, и не заметил, что кругом все в огне; его вынесли на руках через окно. Огонь многое повредил, но дом остался цел.

В ссылке архимандрит Георгий тяжело заболел. Вызванная из Джамбейта врач С. М. Тарасова (монахиня Агапита) определила рак гортани. Необходимы были клиническое лечение и немедленная операция, а следовательно, возвращение в Россию. Стали ходатайствовать о поездке в Москву. Однако телеграммы из мест ссылки не доходили до места назначения, и изнуренный болезнью старец не только не вернулся в Россию раньше положенного срока, но пробыл в Казахстане еще один лишний год, так как власти затягивали его освобождение и разрешение на выезд вовремя получено не было. Тяжелым был этот последний год пребывания исповедника Христова в Кара-Тюбе. К зиме надо было готовиться с осени, но отец Георгий, в ожидании освобождения, раздал все, что не нужно было в России. Окончились все запасы — топливо, сено. Эти новые лишения окончательно подорвали его здоровье.

Весной 1932 года пришли, наконец, документы, и архимандрит Георгий был освобожден без права проживания в Москве и двенадцати других городах, с прикреплением к определенному месту жительства в течение трех лет. Из возможных городов для жительства старец выбрал Нижний Новгород, сказав при этом: «Спасение из Нижнего», — вспоминая о Минине и Пожарском.

Смертельно больной, отправился архимандрит Георгий в обратный путь, в Россию. Ему не говорили о том, что у него рак, но он обо всем догадался и воспринял болезнь как посещение Божие. На пароходе, а потом в Нижнем Новгороде находил в себе силы то и дело повторять сложенную им поговорку: «Рак не дурак, ухватит клешнями — и прямо в Царство Небесное».

Возвращение было трудным. В Нижнем отца Георгия и его попутчиков никто не встретил. Жилье пришлось искать самим. Годы были тревожные, и гонимого исповедника мало кто осмеливался приютить. За очень недолгое время жизни в Нижнем Новгороде старец переменял три пристанища. Вначале устроились под храмом, в каменном сыром помещении, где жили несколько монахинь; потом — в каморке рядом с храмом, пожертвованной опальному батюшке милосердной старушкой. Наконец для умирающего старца нашли в пригороде Кунавино хорошую светлую комнату в необычном домике, стоявшем среди рощи белоствольных берез, ветви которых качались прямо перед его окном. Увидев их, отец Георгий сказал: «Вот они где, Никифорушкины березки...»

Оставались последние дни исповеднической жизни старца. Из Москвы приехали близкие духовные дети. Встреча с ними оживила отца Георгия, и, насколько хватало сил, он поговорил с каждым в отдельности. 4 июля старец долго разговаривал со своим духовным сыном архимандритом Сергием (Воскресенским) и интересовался церковными делами. Утомившись беседой, задремал. В комнате возле батюшки осталась только Татьяна

Мельникова. Заметив, что дыхание его изменилось, позвала отца Сергия. Он тотчас пришел со Святыми Дарами. Старец взял Чашу, принял Святые Дары и так, с потиром в руках, преставился к Богу.

О смерти батюшки сразу же сообщили в Москву, и кто мог, поехал в Нижний Новгород. Митрополит Сергей, лично знавший отца Георгия, спросил, в какой день он скончался, и, услышав, что в понедельник, задумавшись, сказал: «День ангелов». Отпевание было назначено на 6 июля, день Владимирской иконы Божией Матери, особо чтимой старцем. За неделю до кончины он сказал духовному сыну, что вверил свою судьбу Царице Небесной, Которой непрестанно молится. Совершал отпевание архимандрит Сергей в сослужении множества духовенства. Погребли батюшку на Бугровском кладбище. Духовные чада собирали сведения о жизни своего духовного отца, записали воспоминания о нем; с благоговением исполняли заветы и благословения своего наставника. В любых обстоятельствах и испытаниях они не забывали главного, чему учил подвижник, — быть верными Христу, полагаться во всем на волю Божию и уповать на Его великое милосердие.

Прославление преподобноисповедника Георгия в лике святых состоялось на Юбилейном Архиерейском Соборе 2000 года. 11 октября того же года были обретены мощи преподобноисповедника, которые покоятся ныне в Покровском храме Свято-Данилова монастыря.